

Е. В. Зубрицкая, П. Ф. Макарова

**НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ АСТИОНИМЫ И КАТОЙКОНИМЫ
КАК МАРКЕРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДА**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 25.04.2023 г.

Принята к публикации 22.06.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-4-5

40

Для цитирования: *Зубрицкая Е. В., Макарова П. Ф.* Неофициальные астионимы и катойконимы как маркеры региональной идентичности жителей Калининграда // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №4. С. 40–48. doi: 10.5922/pikbfu-2023-4-5.

Неофициальные наименования города Калининграда и его жителей исследуются на материале комментариев пользователей в региональных социальных сетях, а также по данным опроса, проведенного региональными СМИ (около 5000 участников). Выявляются основные модели образования неофициальных астионимов и катойконимов, в том числе производных от довоенного наименования города Кёнигсберг (Königsberg), определяются выполняемые ими прагматические функции. Отмечается асимметрия состава неофициальных наименований жителей Калининграда с астионимами, способными выступать в качестве потенциальных мотивирующих основ. Установлено, что наличие значительного количества пейоративных номинаций в рамках регионального ономастикона обусловлено стремлением жителей города к улучшению его состояния и к сохранению собственной идентичности.

Ключевые слова: неофициальные астионимы, неофициальные катойконимы, региональная идентичность, ономастика

Введение

Процесс идентификации личности осуществляется во множестве измерений: в личностном, профессиональном, социально-культурном, а также в государственном, территориально-этническом или региональном. По наблюдениям Р. Ф. Туровского, в постсоветский период в России произошла «регионализация общественного сознания, которая стала реакцией на кризис общенациональной идентичности, возникший в результате распада СССР» [11, с. 88]. Кроме экстралингвистических факторов формирование идентичности локального типа обусловлено внутренней потребностью индивида ощущать свою выделенность из общего социума на основании принадлежности к определенному региональному сообществу. Возникающее на этой основе состояние характеризуется как «рефлексивное чувство личной самоидентификации».

ности и целостности, непрерывности во времени и пространстве» и представляет собой «структурное образование со своим содержанием, мерой стойкости и противодействием влиянию извне» [1].

Основными научными областями изучения региональной идентичности являются политология, социология и культурология. С лингвистической точки зрения данный уровень самоидентификации рассматривается гораздо реже, причем основной объект изучения составляют официальные наименования внутригородских объектов.

Цель настоящей работы — выявить особенности формирования чувства региональной идентичности на основе изучения неофициальных астионимов и катойконимов, функционирующих в речи жителей Калининградской области. Источником языкового материала стали посты и комментарии в калининградских пабликах «Клопс» (327366 подписчиков), «Типичный Калининград» (236446), «Новый Калининград» (107295) в социальной сети «ВКонтакте». Всего методом сплошной выборки было выявлено 32 неофициальных астионима и 10 катойконимов, анализ которых основывался на теоретико-методологических положениях в области региональной лингвистики, или «языка города» [4; 5; 9; 13], и неофициальной топонимики [2; 3; 12].

Неофициальные астионимы города Калининграда

Область неофициальной региональной топонимики включает в себя разговорно-просторечные номинации не только различных внутренних объектов города (годонимы, гидронимы, агоронимы и др.), но и самого города (астионимы) и его жителей (кайтоконимы). В силу исторических обстоятельств данный ономастический страт имеет в Калининградской области свои особенности, связанные с образованием области на территории бывшей Восточной Пруссии. В соответствии с указом от 3 июня 1946 г. город Кёнигсберг был переименован в Калининград [7]. Официальной реноминации были подвергнуты также все топонимические объекты, входящие в состав новой области.

После распада СССР и снятия идеологического табу с исторического прошлого региона в калининградском публичном пространстве активизировалось использование бывшего названия города *Кёнигсберг*. Первый неофициальный астионим (далее — НА) *Кёниг* был образован в результате усечения форманта *берг-*, маркирующего статус города в немецких астионимах. Его употребление с начала 90-х гг. было обусловлено коммуникативной потребностью описания ситуаций, связанных с открытием области для регулярных контактов и выездов за рубеж, в первую очередь в Германию. Фразы *выехать из Кёнига*, *вернуться в Кёниг* и т.п. стали обыденными в речевых практиках калининградцев, использующих усеченную форму экс-астионима как стандартный способ экономии речевых усилий.

Одновременно разговорная номинация *Кёниг* начала использоваться в официальных эргонимах, имеющих как слитное, так и раздельное написание: *Кёнигавто*, *Кёнигоптик*, *Кёнигокна* и др. В составе номинаций

данного типа усеченное наименование уже не воспринимается как разговорное и приобретает функцию кодифицированного видового идентификатора. Регулярное использование НА *Кёниг* в официальном и неофициальном ономастике приводит к языковой и социокультурной ассимиляции иноязычного элемента: номинации данного типа перестают восприниматься жителями области как немецко-русские гибриды, а само слово постепенно утрачивает свою референтную соотнесенность с историческим прошлым города.

В условиях характерной для интернета устно-письменной речи калининградцы начинают употреблять еще более экономную форму *Кён / Кен*. Данные усечения уже не обладают той семантической прозрачностью, которая обусловила доступность неофициального астионима *Кёниг* для ее декодирования любым образованным человеком. Максимально редуцированные формы *Кён / Кен* используются только в речевых практиках локального сообщества, выступая в качестве языковых средств его обособления.

На базовой для всех типов неофициальных топонимов модели усечения строится вторая словообразовательная цепь, использующая в качестве производящей основы современное название города: *Калининград* → *Калинград* → *Калград* → *Кал*. Данная цепочка возникает позднее, нежели ряд НА с основой *Кёниг*. Вполне вероятно, хронологически первичный выбор немецкого названия как базы речевых трансформаций был связан с периодом деаксиологизации советского наследия, в том числе фигуры «всемирного старосты» М. В. Калинина. Исчезновение из публичного регионального дискурса проблематики данного толка привело к деидеологизации названия *Калининград* в языковом сознании его жителей. Редуцированные члены вышеуказанной цепи (*Калград* → *Кал*) в еще большей мере способствуют ремотивации антропонима, положенного в основу названия города. Внимание пользователей городских пабликов привлекает факт омонимии усеченной основы *кал* с существительным со значением «содержимое кишечника, выделяемое при испражнении» [8, с. 260]. Это совпадение становится поводом для пейоративной игровой ремотивации части слова и, как следствие, использования номинаций *Кал* и *Калград* в качестве негативных оценочных маркеров: *Вот жизнь пошла! Не успели Трампа выбрать, а он уже, свинтус эдакий, на улицах нашего Калграда мусор из авто разбрасывает!*¹ *Калград даже рядом с Гданьском никогда и не лежал.*

Факт омонимии находит также свое отражение в двоякой интерпретации построенного по традиционной усеченно-аффиксальной модели наименования *Калик*. До возникновения условий для коллективных языковых игр в интернет-пространстве данный НА употреблялся как разговорный аналог официального названия города, а суффикс *-ик* придавал ему дополнительную окраску «свой, близкий, домашний» [6, с. 135]. Для участников калининградских социальных сетей положительная прагматическая мотивация названия *Калик* не

¹ Здесь и далее примеры приведены с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

В марте 2021 г. местный новостной интернет-портал «Клопс» провел опрос «Как вы чаще называете город?», в котором приняло участие 4759 человек. Кроме упомянутых выше НА в опрос были включены образования аббревиатурного типа (*Клд*, *Кгд*, *Кнг*), а также локальная вариация типовой для наименования неопределенного города модели *город N: город K*.

Результаты опроса жителей Калининграда

Кёниг	2163 человека	45,45 %
Говорю / пишу полное название	1442 человека	30,3 %
Кён/Кен	564 человек	11,85 %
Клд	313 человек	6,58 %
Кёнигсберг	106 человек	2,23 %
Калик	76 человек	1,6 %
Кгд	22 человека	0,46 %
Город К	20 человек	0,42 %
Кнг	5 человек	0,11 %
Другое	48 человек	1,01 %

44

Из результатов следует, что почти половина опрошенных хранит верность НА *Кёниг*, треть не использует вторичные речевые номинации вообще, из кратких форм наиболее употребительными являются *Кён* (вариант *Кен*) и *Клд*. Декларируемый отказ от употребления НА *Калик* может свидетельствовать об известности респондентам пейоративной мотивации слова и нежелании использовать его в качестве обозначения своего жизненного пространства.

Неофициальные катойконимы города Калининграда

Представляется вполне естественным и соответствующим с логикой номинационных процессов, что в основе группы неофициальных катойконимов (далее — НК) должны лежать рассмотренные выше НА. Однако наши наблюдения показывают, что, во-первых, далеко не в каждом случае возникает симметричное наименование в рамках словообразовательной пары, во-вторых, в состав неофициального катойконимикона входят и другие, не мотивированные астионимами речевые наименования. Из 32 неофициальных астионимов только 10 образуют соответствующие неофициальные катойконимы.

Отсутствие производных от аббревиатур *Кгд*, *Клд* или *Кнг* представляется естественным в силу фонеморфологических причин. Не используются в качестве мотивирующей базы основанные на эффекте паронимической аттракции отдаленные члены деривационной игровой цепи: *Коленинград / Коленингород / Коленинрот / Колениград / Всколенинград*. Усеченный вариант *Кён / Кен* не образует соответствующего катойконима, как можно предположить, в силу его семантической непрозрачности и отсутствия прагматического компонента значения. От самого употребительного НА *Кёниг* потенциальное образование **кёнигцы* отсутствует, а существительное *кёнигсбержцы* употребляется только по отношению к историческим предшественникам, жителям Кёнигсберга.

Потребность в выражении своего отношения к жителям города обеспечивает сетевую «жизнеспособность» таких единиц, как *каликовчане* и *каликчане*, *каловчане* и *калоградцы*, а также *козлоградцы*: *Понаех домой летела. Каликовчанка не смогла бы так сделать. В этом городе все женщины очень культурные и воспитанные.*

НК, имеющие региональную ономазиологическую привязку, чаще всего используются в пабликах как языковые средства, маркирующие оппозицию «свой / чужой». Данная оппозиция выстраивается на основе разделения жителей на две группы: постоянные жители города, живущие здесь достаточно долго, и те, которые прибыли сюда не так давно и получают общее название *понаехи*. Образованное по неузальной словообразовательной модели собирательное существительное, именующее всех приезжих как некую нежелательную группу, стало уже нарицательным существительным надрегионального употребления. В рамках калининградских социальных сетей оно получает гипонимические номинации иронического толка, основанные на этнических характеристиках приезжих: *славные потомки удмуртов и мордвы, дети казахских степей* и т. п., например: *Ну не знают степные жители, что есть ливневки; Зря покрывки убирают <...> суровые сибирско-уральские понаехи могли бы бросать их тонущим вместо спасательного круга.*

Следует заметить, что отдельные участники обсуждения призывают сохранять культурный уровень дискуссии и толерантность внутри локального сообщества. Характерно, что с целью воздействия на излишне агрессивных пользователей используются уничижительные катойконимические ярлыки по отношению к самим калининградцам: *Господа Калининградцы, посмотрите, что вы пишете про людей, про приезжих, вы же калоградцы, а не Калининградцы.*

В рамках не отличающихся политкорректностью дискуссий, противопоставляющих своих и чужих, деархаизации подвергаются историзмы *прусы* и *тевтонцы*. Судя по ироническим кавычкам, данные характеристики используются, чтобы подвергнуть сомнению обоснованность самоидентификации калининградцев как коренных жителей: *Не надо так о коренных. Они «потомки прусов». Во всяком случае они на понаехов смотрят свысока. Правда пока еще не говорят, что они выкопали Балтийское море. Но у них все еще впереди.*

С другой стороны, в отдельных высказываниях характеристики *настоящие пруссы* или *тевтонцы* высмеивают особенности менталитета и поведения самих исторических предшественников калининградцев на этой земле: *Решили спор на мечах как тевтонцы. Настоящие пруссы!*

Отсутствие у коренных калининградцев собственных исторических корней создает почву для дискуссий на предмет истинной и воображаемой культурно-исторической идентичности жителей области. Диалоги нередко принимают следующий характер:

- Местных в этом городе вообще нет.
- Есть и достаточно. Нет коренных. Не нужно путать понятия. Местные — это те, кто прожил тут более 30 лет и кто родился тут.
- Местные тут только Немцы. Остальные такие же понаехи и не важно сколько лет они тут живут. Либо их родители или бабушки с дедушками такие же понаехи.

Аргументированный ответ на правомерность присвоения себе статуса коренных жителей находим в ответной реплике: *И еще – наши деды не понаехи – они город и область из руин восстанавливали в отличие от вас приехавших на все готовое.*

Таким образом, хронологическая и культурная черта автохтонности отсчитывается калининградцами с даты переселения в регион их дедов и родителей и измеряется вкладом советских переселенцев в восстановление и развитие города. Нейтральным наименованием в рамках оживленной катойконимической дискуссии становится использование сочетания *обычные калининградцы: Я обычный калининградец, езжу раз в год на море; Обычные калининградцы не будут подчеркивать свою укорененность и возвышаться над теми, кто понаехал...*

Таким образом, состав неофициальных единиц, присваивающих наименования жителям Калининграда, обнаруживает явную асимметрию в соотношении с астионимами, способными выступать в качестве потенциальных мотивирующих основ. Их использование характерно для обсуждения различных проблем, связанных с локальной идентичностью, конституируемой в рамках оппозиции «свой / «чужой».

Заключение

Локальные социальные сети становятся сегодня основным пространством реализации неформальных наименований региональных объектов. Тем самым преодолевается важная конститутивная черта неофициальной топонимики, определяемая как «кодовая закрытость от восприятия приезжими» [10, с. 200]. Более того, расширяются возможности изучения данного ономастического страта без необходимости «погружения в стихию городской речи» [Там же]. Свойственная речевым интернет-практикам повышенная лингвокреативность находит свое отражение в создании множества неформальных астионимов и катойконимов г. Калининграда. Преобладание пейоративных номинаций свидетельствует, с одной стороны, о равнодушии жителей к своему городу и стремлении улучшить его состояние, а с другой – маркирует стремление сформировавшегося в области социума к сохранению собственной идентичности в сложившемся состоянии.

Список литературы

1. Еремينا Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. №3. URL: <http://regionsar.ru/node/781> (дата обращения: 22.03.2023).

2. Заварзина Г. А., Заварзина В. А. Неофициальные номинации внутригородских объектов Воронежа: причины возникновения, типологические особенности и способы образования // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. №4 (289). С. 204 – 207.

3. Иванян Е. П. Характеристика традиций обозначения русской провинции проприальными единицами // Русистика без границ. 2022. Т. 6, кн. 2. С. 44 – 55.

4. Красильникова Е. В. Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города : сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 5 – 18.

5. Крысин Л. П. Проблема социальной и функциональной дифференциации в современной лингвистике // Социолингвистика вчера и сегодня. М., 2004. С. 73–91.

6. Крюкова И. В. Стилистическое варьирование астионимов в современной городской лингвокультуре (по материалам словаря «Языки русских городов») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. №3 (98). С. 134–138.

7. Маслов В. Н. Создание Кёнигсбергской области и ее переименование в 1946 г. // Калининградские архивы. 2014. №11. С. 99–109.

8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.

9. Сиротинина О. Б. Речь современного города // Речь города : тез. докл. Всерос. межвуз. науч. конф. Омск, 1995. Т. 4, №1. С. 8–11.

10. Тимофеева Н. Ю. Приемы образования неофициальных крымских топонимов в устной речи // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. №4 (81). С. 200–203.

11. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С. 87–136.

12. Шарипова О. А. Неофициальные топонимы как подсистемы языка города // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1 (Гуманитарные науки), №4. С. 203–206.

13. Юнаковская А. А. «Язык города» как объект изучения (итоги и перспектива) // Омский научный вестник. 2006. №9 (47). С. 252–255.

47

Об авторах

Екатерина Валентиновна Зубрицкая — ст. преп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: EZubritskaya@kantiana.ru

Полина Феликсовна Макарова — ст. преп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: PMakarova@kantiana.ru

E. V. Zubritskaya, P. F. Makarova

UNOFFICIAL ASTYONYMS AND KATOYCONYMS AS MARKERS OF REGIONAL IDENTITY

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 25 April 2023

Accepted 22 June 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-4-5

To cite this article: Zubritskaya E. V., Makarova P. F., 2023, Unofficial astyonyms and katoconyms as markers of regional identity, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 40–48. doi: 10.5922/pikbfu-2023-4-5.

The paper focuses on unofficial names for the city of Kaliningrad and its residents investigated on user comments in regional social networks and a survey conducted by regional media (approximately 5000 participants). The study identifies the main patterns of forming

unofficial demonyms and toponyms, including those derived from the pre-war name of the city, Königsberg. The pragmatic functions performed by these names are determined. There is noted an asymmetry in the composition of unofficial names for the residents of Kaliningrad compared to the demonyms that can potentially serve as motivating bases. It is established that the presence of a significant number of pejorative nominations within the framework of the regional onomasticon is driven by the residents' desire to improve the city's condition and preserve their own identity.

Keywords: unofficial astonyms, unofficial katoyconyms, regional identity, onomastics

The authors

48

Ekaterina V. Zubritskaya, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.
E-mail: EZubritskaya@kantiana.ru

Polina F. Makarova, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.
E-mail: PMakarova@kantiana.ru